

Юрий Воронов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Юрий Воронов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Авторы:
Валерий Есипов, Елена Савина, Валентин Устинов

Издательство «Белый город»

Генеральный директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Корректоры: З. Белолуцкая, С. Щербич
Верстка: О. Чевакина
Сканирование иллюстраций:
И. Вавилова
Цветокоррекция: Ю. Чепелева

ISBN 978-5-7793-1286-8
УДК 75Воронов(084.1)
ББК 85.143(2)6я6
Ю71

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

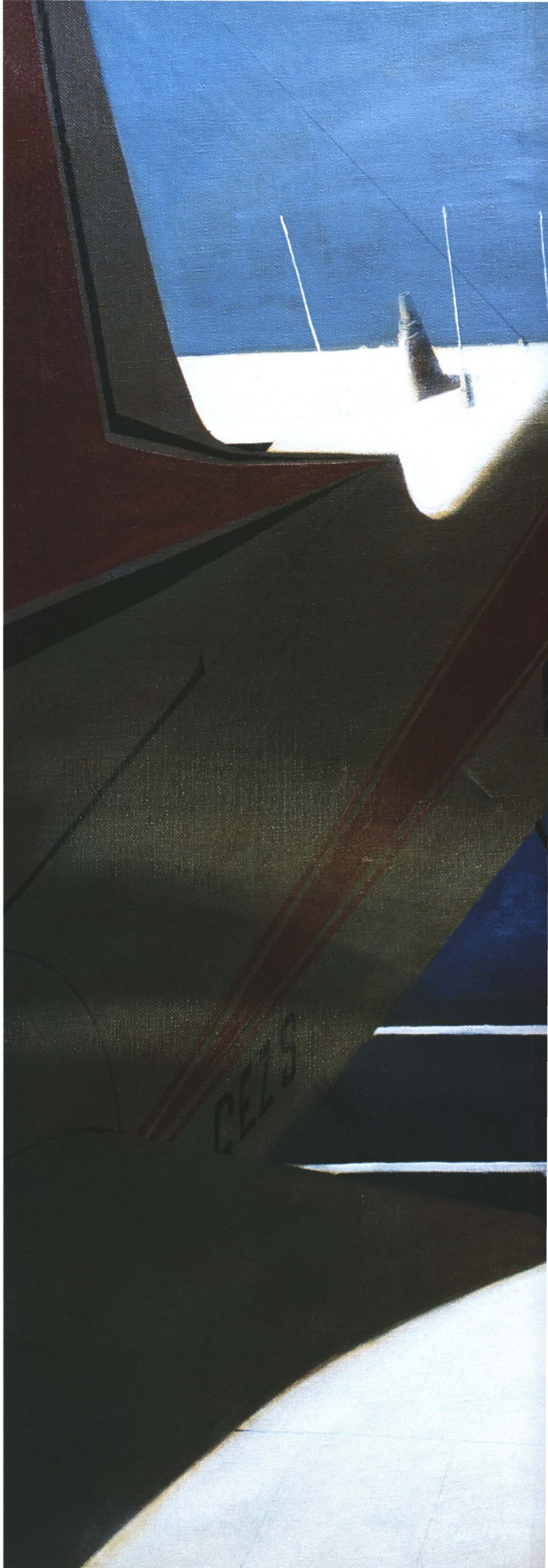
Отпечатано в Италии

Тираж 3 000

Издательство «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 916-5595, 780-3911, 780-3912,
688-7536, (812) 766-3393
Факс: (495) 916-5595, (812) 766-5806
Сайт издательства: www.belygorod.ru
E-mail: belygorod@mail.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь по адресам:
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-3911, 780-3912
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 916-5595

© «Белый город», 2007

A painting of a harbor scene with several sailboats. In the foreground, a boat with a red and white sail is partially visible, with the text 'C-GEZS' on its hull. In the background, other sailboats with various colored sails (blue, white, red and white stripes) are docked or sailing. The water is blue, and the sky is a deep blue. The overall style is realistic with a focus on color and composition.

Юрий Воронов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Домосед и странствователь

«**Ч**тобы понять поэта, надо побывать на его родине» — эти бессмертные слова сказаны человеком всемирной культуры (Гёте), и для России с ее бесконечным числом исключительно самобытных и неповторимых «малых родин» они имеют особое, своего рода провиденциальное значение. Но, как известно, экзальтированная вера в эту провиденциальность для художника бывает крайне рискованна и опасна. Ведь обожая (и даже обожествляя) свой милый, дорогой сердцу, родной край, очень легко впасть в апологию «местнической» самобытности или в худший для всякого художника грех — провинциализм, творческий и интеллектуальный. Заслуженному художнику России Юрию Воронову, родившемуся на благословенном Русском Севере, в Вологде, к счастью, удалось этого греха избежать. В своей жизни он открыл для себя не только Вологду и Россию, но и весь мир, и этот мир широко распахнут в его работах.

Язык живописи и графики, язык цвета и линии имеет свои эстетические законы, глубоко отличающиеся от законов других искусств, в том числе словесного, литературного. Все мы знаем, что «литературщина» в изобразительном искусстве считается едва ли не дурным тоном, ибо, подразумевая иллюстративность определенных образов и идей, такой способ художественного мышления оказывается в заведомо подчиненном, служебном, а не в самостоятельном положении. Но о Юрии Воронове этого не скажешь, несмотря

на то, что он горячо любит литературу и по основной профессии, полученной в институте имени В.И. Сурикова, является книжным графиком. Особые, тонкие сопряжения, существующие между его искусством и литературой, — это, с одной стороны, неизбежное проявление специфики профессиональных навыков, с другой — сугубо личная черта художника, который не творит стихийным «нутром», а опирается на широкие пласты гуманитарной культуры. Поэтому, говоря о жизни и творчестве Ю. Воронова, никак нельзя избежать литературных реминисценций.

Когда-то К. Батюшков, поэт, предшественник Пушкина, родившийся на вологодской земле, написал сти-

Юрий Воронов. На этюдах. Норвегия. 2004
Фотография

хотворение *Домосед и странствователь*. Оно — о двух разных типах людей и художников, привязанных к своему дому и любящих путешествовать. Ю. Воронов объединяет в себе оба начала — он и привязан к родному очагу с его теплыми домашними мамиными пирогами, он и страстный путешественник, объехавший полмира. Все это можно почувствовать в его картинах, где присутствуют и цветные лоскутные одеяла родной вологодской земли, и пейзажи Малой Азии, и фиорды Норвегии, и яхты канадского Ванкувера.

Только на поверхностный взгляд, знакомство с творчеством Ю. Воро-

нова во всем его объеме, начиная с первых натуральных рисунков до последних работ абстрактного характера, может создать впечатление эклектики или частой переменчивости душевных настроений, ищущих эмоционального выплеска. На самом деле, все его творчество — неуклонное, глубоко осознанное, по-своему рациональное развитие, а именно — духовное саморазвитие, соотнесенное с бурным изменением мира. Увидеть и проследить эту эволюцию художника можно только при рассмотрении всей имеющейся ретроспекции картин. Автор вовлекает нас в свое исследование мира, что требует свободной, недогматизированной зри-

тельской реакции, где надо сочетать и чистую эмоцию, и особого рода медитативное размышление.

С ранних лет Ю. Воронову было свойственно вдумчивое, философическое отношение к окружающему, и в каждом предмете — то ли из северного крестьянского быта, то ли из реалий современной цивилизации — он находит свою красоту и одухотворенность. Можно сказать, что за почти тридцатилетний период творчества художник выстроил свою полифоническую картину мироздания, больше похожую на Вселенную познания. Он словно читает открытую книгу жизни, останавливаясь на ее отдельных, запавших в душу страницах и главах, к чему-то возвращаясь построчно. Любимые герои и наиболее важные предметы-символы переживают в его искусстве

Кирилло-Белозерский монастырь. 2000
Холст, масло. 50 x 65

несколько жизней. Художник с ними подолгу не расстается, и они время от времени снова появляются в его картинах, как бы испытывая новую судьбу (скажем, прятка, освещенная теплым светом в натюрморте, может неожиданно оказаться

«Говорит Вологда. Доброе утро, товарищи». 1987
Холст, акрил. 195 x 295

Благовещение. 1994

Холст, масло. 135 x 185

среди снегов в большой картине *Зимний Никола*, и за этим стоит уже целая драма народной жизни). Авторское отношение к любимым предметам устойчиво, почти не меняется. Таким образом, они приобретают многослойную знаковую семантику и становятся своего рода индивидуальным словарем символов художника.

Эти символы вечных и неизменных начал человеческого бытия занимают особое место в его самых сложных философских картинах, являясь олицетворением «легенды о счастье», как любит говорить ху-

дожник. По его мнению, каждый человек придумывает себе свою легенду о счастье, воображает свои идеалы, зачастую далекие от жизни, трудноосуществимые, но все-таки очень желанные. Так было и в самые давние исторические времена, которые сохранили нам множество художественных памятников, свидетельствующих о неискоренимом стремлении человека к красоте. Очевидно, что вологодский, северорусский колорит многих картин Ю. Воронова — это, с одной стороны, дань своим корням, с другой — способ сопоставить локальное и глобальное, напомнить о ценности каждой национальной культурной традиции в мировом контексте. Такую

же роль играет его обращение к образам древней цивилизации — египетской, греческой или византийской. Художник как бы напоминает, что легенда о счастье пронизывала все историческое бытие человека, и именно благодаря этому стремлению сохранены те уникальные художественные творения, которые влекут к себе массы людей за тридевять земель. Влекут они их и на Русский Север, который с его памятниками не случайно считается одной из жемчужин мирового искусства. Чего стоит один Ферапонтов монастырь со знаменитыми фресками Дионисия XV века — русского Джотто, который внес в христианский канон такое гениальное

Ангел белой ночи. 1997
Холст, масло. 130 x 195

единить их общей причастностью к Космосу, к Абсолюту. Альтернативу разорванности сознания современного человека художник ищет прежде всего в сохранении простых чувств сопереживания всему живому, беззащитному и устремленному к высшему. Этим серьезным отношением к задачам искусства художник глубоко отличается от разнообразных течений современного постмодернизма — мы видим в его работах глубокое и здоровое нравственное основание, которое не подвержено никаким соблазнам всепроникающей иронии и редукции (снижения) высокого человеческого образа.

вдохновение и такой свет, который и доныне светит всем.

Восстановить распадающуюся связь времен, найти опорные точки, краеугольные камни человеческого всеединства — пожалуй, главная творческая сверхзадача

Ю. Воронова. Хотя в его произведениях прошлое, настоящее и будущее необычным образом трансформируются, предстают подчас в неожиданных, почти коллажных ракурсах, мы не можем не заметить, что художник стремится объ-

На с. 8–9:

Битва во времени. Диптих. 1993
Холст, масло. 195 x 145

Утро на древнем озере. 2001
Холст, масло. 136 x 198

«О, счастливчик!»

Началу творческого пути Ю. Воронова можно было позавидовать. Он с отличием окончил Московский институт имени В.И. Сурикова, уже в 26 лет был принят в Союз художников, стал его стипендиатом и являлся самым молодым делегатом двух съездов творческих Союзов, РСФСР и СССР (1987 и 1988 годов). Незадолго до этого он создал несколько серий графических работ, принесших ему широкую известность, и издатель-

ства наперебой предлагали ему новые и новые заказы.

Этот взлет был подготовлен всей предыдущей, необычайно упорной борьбой молодого художника за овладение всеми секретами своей профессии. Рос он в простой вологодской семье, в детстве, как все мальчишки, увлекался футболом и хоккеем. А толчок к занятиям изобразительным искусством был дан ему неожиданно. Его бабушка по отцовской линии Анна Даниловна Воронова была

кружевницей (этой традиционной для Вологды работой на дому были тогда заняты сотни женщин). Маленький Юрий постоянно наблюдал за ее непрестанными занятиями с мелодичным постукиванием коклюшек. Непостижимое действо сплетения многих нитей в единую гармонию завораживало его, и однажды он, не выдержав, попросил бабушку научить его своему искусству. На что получил неожиданный ответ: «Мужчины не плетут – мужчины рисуют»... Он, как вспоминает, присел рядом, взял карандаш и тут же нарисовал портрет бабушки. Изобразил ее такой, как видел – серьезной, в очках, и с гребенкой в волосах. Портрет получился на удивление всех взрослых очень похожим, и до сих пор хранится в семье. И после этого, в девять лет, Юрий самостоятельно отправился учиться в вечернюю изостудию, которой руководил самобытный художник Е.П. Гусев. Потом учился в детской художественной школе, созданной в Вологде по инициативе Ю.А. Баранова. Начал писать гуашью и акварелью. Из этих времен больше всего запомнил нарисованную им батальную композицию *Бородинское сражение*, первые выезды на пленэры – в Спасо-Прилуцкий и Кирилло-Белозерский монастыри, своих первых учителей – Н.К. Воздвиженского, А.А. Анчукова, А.П. Кротову.

Каждый день праздник. 1992 ➤
Холст, масло. 195 x 145

Вологодский натюрморт. 1997
Холст, масло. 85 x 85

Легенда о счастье. Триптих. 1992

Холст, масло. 190 x 140, 190 x 140, 190 x 140

Рисовать профессионально, с твердой, уверенной постановкой руки, Юрий научился в Ярославском художественном училище, куда поступил в пятнадцать лет. За эту науку он благодарен педагогам Л.Н. Гузанову, С.Н. Курбатову, В.Н. Леонтьеву, А.И. Смагину. Са-

мыми любимыми для него были занятия по композиции и цветоведению, которые вел А.А. Чурин. Юрий вспоминает: «Об искусстве рассказывал, как о чуде! Это, конечно, западало в душу, и мечталось тоже создать чудо...».

На третьем курсе он нарисовал пастелью автопортрет в праздничной отцовской домотканой рубашке, которую вышивала бабушка Аня.

Этот немного наивный по исполнению автопортрет напоминает нестеровского отрока-иконописца. Тогда, в 1973 году, Юрий не мог предположить, что наступят иные времена, и сам он серьезно займется храмовыми росписями, выполнит в 2006 году роспись Спаса-Вседержителя в часовне под Вологдой.

В качестве дипломной работы в училище он написал живописный

Портрет старика. Этот портрет доныне хранится в его мастерской и дорог не только как дипломная работа, но и как память об удивительных стариках, живущих в русских деревнях. Прототипом послужил А.И. Машьянов – житель Тарногского района Вологодской области, родины мамы Ю. Воронова и его деда. О своем деде Василии Никитиче (он умер в 1948 году) художник слышал

только семейные легенды. Мама Августа Васильевна рассказывала, что дед, ее отец, был сильным человеком и крепким хозяином. В семье было десять детей. Большой дом-пятистенок стоял на берегу реки Кокшеньги. В период коллективизации пришлось отдать в колхоз двух лошадей, трех коров, овец... А был дед еще и мастером сапожного ремесла, умел шить красивую обувь, называемую в тар-

ногских краях «чарочки». При этом дед прошел три войны, в том числе Великую Отечественную, и остался мудрым и незлобивым человеком.

Почему эти детали важны в рассказе о художнике? Потому что они показывают, насколько крепка его родословная, его генная, нравственная память – ему есть на что опереться в своем прошлом. Это здоровое воспитание было продолжено

Лестница. 1989

Холст, акрил. 195 x 295

В ожидании счастья. 1994

Холст, масло. 196 x 298

в семье, в городских условиях. Отец Александр Николаевич тоже прошел суровые жизненные испытания — пятнадцатилетним подростком оказался в ленинградской блокаде, а за-

тем еще воевал на Дальнем Востоке. Почти всю жизнь проработал слесарем-инструментальщиком на подшипниковом заводе, оставшись, как водится, ни с чем после приватизации предприятия. Мама Августа Васильевна — скромный почтовый работник. Она гордится тем, что в мае 1945 года объявила по местному тарногскому радио об окончании Великой Отечественной войны. Переехав в Вологду, перенесла сюда и все унаследованные от своих родителей понятия о красоте и уюте. Комната в коммунальной квартире была очень тесной, но благодаря ее заботам превратилась в домашнюю сказку — она была вся украшена кружевами. По воспоминаниям художника, в те годы многие коммунальные квартиры вологжан являлись как бы музеями кружева. В таком необычном мире росли и могли фантазировать дети. Не случайно многие

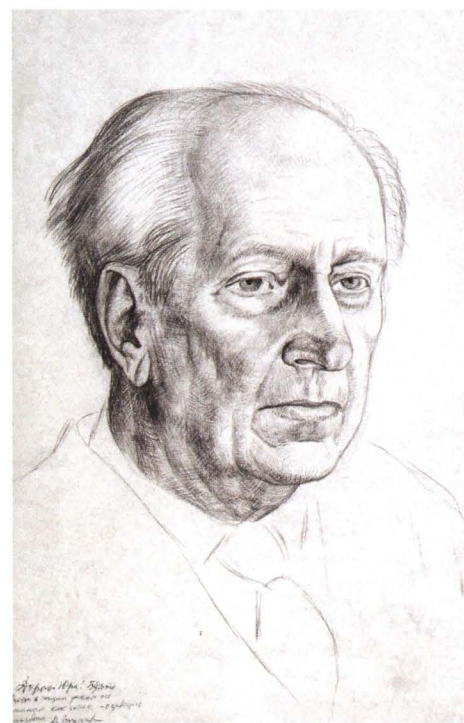

работы Ю. Воронова воспроизводят детали кружевного искусства — и валики, и коклюшки, и узоры...

Годы учебы в Ярославле и Москве, годы первых странствий (в 1976 году художник впервые «прорубил» свое «окно в Европу» — побывал в Польше) дали ему массу новых впечатлений и намного расширили его кругозор. Особо важным для себя Ю. Воронов считает период учебы в Суриковском институте, который был, по его мнению, самым свободным вузом в стране, поскольку здесь, на лекциях, царила совершенно неофициальная атмосфера, слово «соцреализм» никогда не употреблялось, а вместо этого шел глубокий и серьезный разговор о проблемах русского и мирового искусства, о про-

блемах мастерства. В целом Москва стала для него большим, многопрофильным университетом, где он жадно впитывал все новое, что появлялось в любом виде искусства. («Видел все спектакли театра на Таганке с участием гениального Высоцкого, особенно его “Гамлета”, — вспоминает Юрий. — А для того, чтобы попасть на самые недоступные, аншлаговые спектакли, иногда приходилось немного переступить через общепринятые правила, применять профессиональные навыки — рисовать, с буквальной точностью, билет, чтобы пройти контроль и оказаться на галерке...»)

В институте многое, даже, вроде бы, давно знакомое, пришлось открывать заново. «Жил и учился в таких, казалось бы, “иконных” городах, как Вологда и Ярославль, а стал по-настоящему понимать духовную

Д.С. Лихачев. 1981
Бумага, карандаш. 40 x 25

Отдыхающий во времени. 1995
Холст, акрил. 140 x 195

красоту иконы только после лекций Н.Н. Третьякова», — рассказывает Юрий. Собираясь поначалу стать живописцем, он поступил на графический факультет и не пожалел об

этом. Откровением для него стали слова профессора М.П. Алпатова, читавшего спецкурс по графике на старших курсах. Профессор выразил убеждение, что самое важное

для будущего русского искусства — сохранить школу графического рисунка. Это окрылило Юрия и убедило его в правильности избранного пути. Светлыми впечатлениями

Портрет дочери. 1995
Холст, масло. 100 x 80

◀ **Нина. 1989**
Холст, масло. 90 x 70

в его памяти остались встречи с известными художниками-графиками Е. Кибриком, М. Маториным и другими, кто рассказывал о секретах своего мастерства. Юрий изучил во многом новый для себя мир книжной графики, ее выразительные средства, разнообразные техники и в своих учебных работах продолжал совершенствовать рисунок, усложнил ритмически и пространственно композиционные приемы. Именно эти качества ярко проявились в его дипломной работе – в поэтической серии цветных линогравюр *Лирика Николая Рубцова*.

Научный руководитель Б.А. Дехтерев, видя в нем лирического художника, первоначально предложил ему проиллюстрировать поэму С. Есенина *Анна Снегина*. Юрию удалось отстоять свою тему – Рубцова. Не только потому, что вологодские мотивы лирики поэта были ему по-землячески роднее и ближе. Стихи Рубцова сразу пронзили его душевной глубиной, живым восприятием мира, порывом к поискам гармонии древнего и современного. Для того чтобы лучше понять истоки вдохновения поэта, он еще раз съездил на Вологодчину, в места, где прошли детские годы Рубцова (село Никольское Тотемского района).

Серия линогравюр получилась впечатляющей: художник представил поэта в разных ипостасях его личности, какой она виделась ему – и как глубокого, неразгаданного философа, шедшего путем Тютчева и Фета, и как простого задушевного человека с любимой гармонью. Отразил он в этой серии и самые красивые места Вологодчины, ставшие для поэта образами всей России. При защите диплома Юрий читал, по просьбе приемной комиссии, стихи Рубцова и очень волновался: эти стихи тогда, в 1981 году, были еще мало

известны, и надо было доказать их соответствие художественным образам. Защита прошла с блеском, и научный руководитель Воронова М.Н. Авакумов был очень доволен.

Еще одним счастливым моментом московского периода художник считает для себя сотрудничество с популярным журналом *Студенческий меридиан*. Он был еще студентом, а ему здесь доверили нарисовать серию портретов-вкладок знаменитейших людей страны – Д.С. Дихачева, А.Ф. Лосева, В.П. Астафьева, В.И. Белова, М.А. Дудина и других. Молодой художник с энтузиазмом принялся за эту работу, вкладывая в нее все свое, уже незаурядное мастерство и жар души. В этой серии мы можем просле-

дить, как сформировался в искусстве Ю. Воронова характерный для его стиля психологический портрет. В нем присутствуют два начала – стремление передать внешнее и внутреннее состояние своих героев, также ощутим и неизбежный юношеский трепет перед ними.

В уникальном натурном портрете философа А.Ф. Лосева художник сумел удивительно точно выразить психологическое состояние одиночества стареющего человека и огромную силу его нерастратченного интеллекта. Непривычный внешний облик философа – в старомодной, девятнадцатого века, профессорской шапочке и мантии – выразительно демонстрирует его принадлежность к высшей культуре. Взгляд усталых

Иллюстрация к сборнику стихов
А. Ахматовой. 1991
Граптография. 20 x 17

глаз погружен глубоко в себя, в пространство бесконечного размышления. Художник рассказывает, что Алексей Федорович позировал ему в своем кабинете, в окружении книг. В те годы он был уже почти ослепшим, и тексты своих научных трудов надиктовывал секретарю. Между прочим, философ никогда и никому не давал согласия позировать. А здесь не мог отказать студенческому журналу и художнику-студенту. Для Юрия Воронова эти сеансы были истинным счастьем. Он очень жалеет, что, будучи увлечен своей работой, не сумел записать все мысли, которые высказывал при позировании последний великий русский мыслитель. Но одни замечательные слова А.Ф. Лосева: «Задача философа — вызвать улыбку тех людей, которые идут от незнания к знанию» — Юрий записал внизу.

Другая атмосфера окружает портрет В.П. Астафьева. Художник как

бы воспроизводит негромкий доверительный разговор, который произошел при его встрече с писателем. Он подчеркивает отпечатки трудной, драматической судьбы Астафьева на его лице и одновременно передает процесс глубокой внутренней жизни писателя, его озабоченность нравственными и социальными проблемами России. Юрий Воронов представил образ Астафьева таким, каким он виделся всем тогдашним читателям его произведений — глубоко чувствующим и страдающим человеком обостренной совестливости.

Непосредственное общение с живыми классиками современной философии, литературы и искусства не просто обогатило духовный мир молодого художника — оно неизбежно подвело его к мыслям о тех огромных высотах, на которые способен человек, если он стремится при любых обстоятельствах вырваться из обыденности, из рутины жизни. А с точки зрения истории искусства «счастливый жребий» сотрудничества Ю. Воронова со *Студенческим меридианом* оказался необычайно плодотворным: серия его работ-вкла-

Нина. 1986
Бумага, карандаш. 60 x 50

док сегодня имеет не только художественное, но и неоценимое историко-культурное значение. Она заслуживает и самостоятельного издания в рамках ретроспекции по-прежнему популярного журнала.

Этюд. Северная Италия. 1995
Картон, акрил. 30 x 40

Возвращение к истокам

Резкие разрывы в спокойном течении жизни имеют разные причины. В 1981–1982 годах Ю. Воронов служил в Советской Армии. Этот период художник вспоминает с определенного рода достоинством и в то же время — с юмором. Некоторые его сослуживцы попали в пекло афганской войны, а его как более «ценного кадра» оставили в части. Художник на редкость быстро и похоже умел создавать портреты и ближайших военачальников, и членов Политбюро. Приказ в армии — первое дело, и Юрию не пришлось протестовать. Об этом периоде он может рассказать массу анекдотов, но в любом случае считает, что долг перед Родиной выполнил.

Вернувшись в Вологду, Юрий Воронов оказался в центре внимания местной художественной и литературной жизни: его иллюстрации к Н. Рубцову, ставшему к тому времени одним из «культовых» российских поэтов, были уже известны. Литературоцентризм тогдашней эпохи поставил его, талантливого книжного графика, в заведомо особо ценимое положение. И сам художник в этот период стремился к тому, чтобы передать своим языком все высшие, общепризнанные литературно-художественные явления — прежде всего вологодского происхождения и вологодского духа. В 1982 году он едет в Никольский район, на родину А. Яшина, автора знаменитой, обруганной с подачи властей, *Вологодской свадьбы*. Побывав здесь, он резко отошел от ожидавшихся от него

приемов портретирования и иллюстративности. Его поразил увиденный в центре деревни Блудново, напротив родового дома А. Яшина, высокий колодец, называемый по вологодски «журавель». Простота

Портрет жены. 1987
Холст, акрил. 100 x 80

Философ А.Ф. Лосев. 1981
Картон, карандаш. 75 x 55

крестьянской инженерной мысли и ее эстетика, изначально основанная на применении самого доступного материала — круглого дерева, а главное — бездонная глубь чистой воды, плещущейся в глубине деревянного сруба, вдохновила его на создание графической картины *Колодец*. Это был неожиданный ракурс в освещении лирики А. Яшина — поэта. Не цитата, а символический обобщенный образ стал главенствующим средством выражения чувств художника.

В те же годы Ю. Воронов создал графические циклы *На родине писателя Василия Белова*, *В гостях*

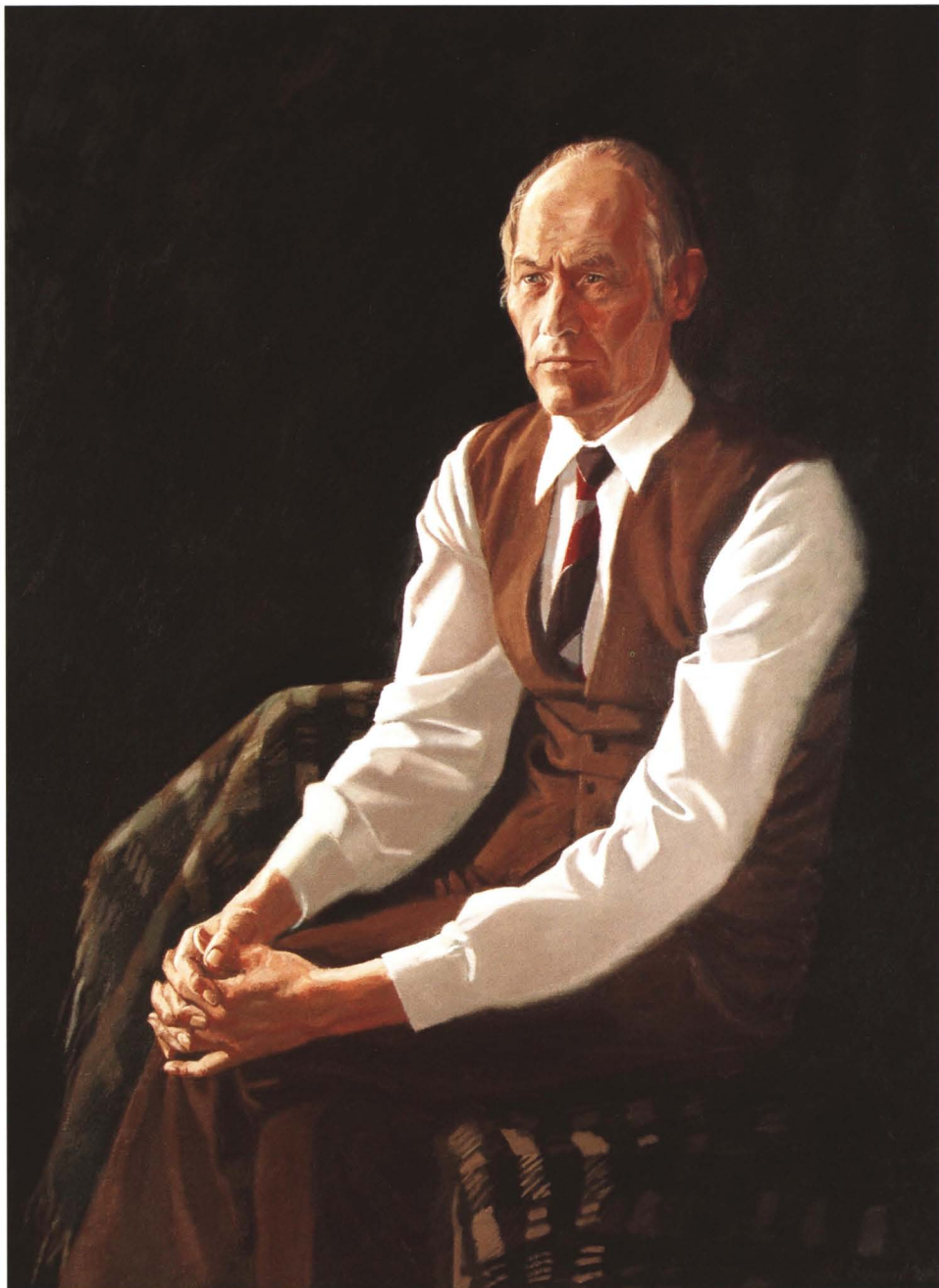
Б. Штоколов. Оперный певец. 1988
Бумага, карандаш. 60 x 50

Самолеты на воде. 1996
Холст, акрил. 120 x 160

у поэта Александра Романова, серию литографий *Дети*. Особенно плодотворно он поработал в деревне Тимониха у В. Белова, где занимался и пейзажным, и портретным рисунком. На редкость впечатляющим (и опять же имеющим особую историческую ценность) получился портрет матери автора знаменитого *Привычного дела* — Анфисы Ивановны. Мы видим в нем простую, добросердечную и в то же время строгую хозяйку — ее пристальный, изучающий взгляд так свойствен крестьянкам при первом знакомстве с городскими людьми. (Недавно этот портрет приобретен новой вологодской картинной галереей «Красный мост», специализирующейся на современном искусстве: не могли устоять искусствоведы галереи перед мастерством настоящего классического рисунка.) В других произведениях, связанных с творчеством В. Белова (иллюстрации к книге *Лад*, к детгизовскому изданию *Старый да малый*), художник показал себя одновременно и прекрасным рисовальщиком, и тонкой, поэтической натурой. В книге *Старый да малый* каждая из иллюстраций может восприниматься как самостоятельное произведение — художник здесь умело вводит цвет, преобладающе синий, летне-деревенский (как глаза писателя), и это придает цельность всей книге. Особенно впечатляют зарисовки деревенской жизни, ее разнообразной «живности» и рисунок *Качели* — старинная деревенская забава, которой, в минуты радости, не брезговал и уже немолодой писатель.

1980-е годы были переломными в судьбе страны. Драма нарастала постепенно, и ее приметы — заброшенность деревень, равнодушие колхозников к своему труду, пренебрежение прекрасными памятниками, всем наследством, которое осталось от прошлого, — очень остро переживал и отражал ху-

Писатель В.А. Оботуров. 1988
Холст, масло. 100 x 80

дожник. Но он не пошел публицистическим или плакатным путем. Даже его известная автолитография *Сани* (1986), где на спинке возка, бывшего когда-то имуществом крепкого хозяина, разместились вездесущие вороны, не производит мрачного или назидательного впечатления: художник и в таких сочетаниях находит свою поэзию, свою удивительную «русскость». В его северных пейзажах, среди рек и полевых трав, каждая деревня кажется маленьким миром в бесконечном пространстве зем-

ли и высокого неба. Юрию Воронову, пожалуй, как никому, удалось воплотить в искусстве огромные просторы северной России, ее неслыханные горизонты: это удается ему как в зимних, так и в летних пейзажах. При этом черта, отделяющая небо от земли, в его работах всегда прописана четко, и кажется, что именно с этой черты он начинает каждую картину. Но два мира, земной и небесный,

Никола зимний. 1990
Холст, темпера. 160 x 200

◀ **Сны лоскутного одеяла. 1995**
Холст, масло. 190 x 130

никогда не противопоставляются художником — наоборот, он всегда подчеркивает их неразрывное единство. Особенно плодотворной была поездка на родину мамы и деда, в Тарногский район. Юрию Воронovu удалось здесь создать удивительно лиричную серию рисунков, где он запечатлел и заброшенную родовую деревню, и сохранившуюся большую сосну, под которой, работая на сенокосе, бабушка родила его маму... Родной северный быт постоянно присутствует в работах худож-

ника: он не перестает удивляться его неповторимым своеобразием. Не случайно в серии рисунков, посвященных Ферапонтову монастырю, он, кроме красоты ферапонтовских храмов и ландшафтов, с особым лиризмом запечатлел и впервые увиденный им старинный ткацкий станок. Интерьер горницы со станком и половиками художник объединил лющимся из окна светом — и это стало образом гармонии, к которой всегда стремился Юрий.

В эти же годы художник вновь обращается к поэзии Н. Рубцова. Повторять пройденное — не в его духе, и на этот раз он решил сделать обобщающий образ поэта, причем прибег для этого к новой тех-

нике, граттографии, базирующейся на рисунке на черном пространстве. Это было связано с новым пониманием личности Н. Рубцова. Художник представил поэта в тревожной атмосфере предчувствий — на фоне ночного вологодского пейзажа, среди грозных вспышек неба. Художнику удалось удивительно точно передать трагедийность судьбы Н. Рубцова, его свойство «слышать печальные звуки, которых не слышит никто». Ныне портрет стал хрестоматийным — он вошел в книгу *Воспоминания о Н. Рубцове* и украшает помещение Вологодской организации Союза писателей России, где бывает множество гостей.

Воспоминание о Ванкувере. 1996
Холст, акрил. 150 x 198

Глубокое понимание внутреннего мира художника он продемонстрировал и в серии иллюстраций к стихам В. Устинова. С этим поэтом его связывает давняя и прочная дружба, закреплённая и совместными путешествиями, в том числе путешествием по Северной Двине на парусном катере известного художника из города Великого Устюга Е. Шатохина.

В той же технике граттографии и той же тональности — а она вполне соответствовала теме — Ю. Воронов выполнил в 1989 году серию иллюстраций к новому изданию стихотворений А. Ахматовой. Перед художником стояла необычайно сложная задача, ведь сохранилось и множество фотографий

великой русской поэтессы, и ее художественных портретов, исполненных великими художниками. В конце концов, у каждого боготворителя Ахматовой — свой образ «русской Сафо». Ю. Воронов не стремился выйти за грань невозможного — он пошел путем профессионального книжного графика. Вместе с реалистическими портретами А. Ахматовой разных периодов ее жизни он отразил в книге собственный ассоциативный ряд, связанный с восприятием ее личности. Здесь есть и образ Богоматери, и Серафима, и символы высокого классического искусства, которые воплощала поэтесса. Трагический черно-белый лейтмотив иллюстраций придает особый смысл восприятию стихов. Многие искусствоведы отмечают своеобразие вклада Воронова в богатую и разно-

образную художественную «ахматовиану».

Последовательно и плодотворно работая в искусстве графики в течение почти десяти лет (1979–1989), художник накопил неоценимый опыт: он научился, кажется, всему, на что способно в своих средствах искусство рисунка. Но «камерность» и «прикладное» значение жанра все-таки сковывали его: свойственная ему широта взглядов и чуткость к общественным явлениям требовали новых форм выражения. Не случайно, выступая на страницах журнала *Творчество* в 1986 году, он писал: «Искусство, по-моему, это зеркало общественно-политической ситуации в стране. Задача художника состоит в том, как своим трудом помочь людям, тем, которых ты любишь и чья судьба тебя волнует».

Чувствуя свои возможности и откликаясь на потребности времени, художник решил обратиться к живописи. Первая же большая многофигурная пластическая картина, которую он написал в 1988 году («Говорит Вологда. Доброе утро, товарищи»), принесла ему огромный успех, несмотря на то что была по существу импровизацией, живой эмоциональной реакцией на начавшиеся изменения в обществе. Художник как бы объединил эфирное пространство своего небольшого города, где каждый слушает радио и ждет от него не только сообщений о погоде, но и самых свежих новостей о политике, о жизни простых людей. А жизнь такова, что все люди в растерянности: те, кого изобразил художник, в своем облике, в позах и жестах, — с тревогой и надеждой ждут сообщений, которые передаст им знак судьбы — репродуктор. Художник как бы дал социологический срез настроений общества: в картине представлены не только его любимые друзья-художники, но и люди других социальных слоев. Видно, что в этой

Бухта Фазелис. 2000
Холст, масло. 95 x 119

Полет над вечностью. 2000
Холст, масло. 145 x 190

непростой психологической ситуации комфортно только одному герою, который смотрит на происходящее выжидающе и самоуверенно. Ю. Воронов поясняет: «Такой герой, похожий на Воланда, был необходим, я попросил позиро-

вать знакомого художника и специально для него красил перчатки». Сегодня эта картина, находящаяся в фондах Вологодской областной картинной галереи и удостоенная специальной премии за ее актуальность, воспринимается

и как своеобразный художественно-социологический портрет настроений времени, и как пророчество. Хотя сам автор понимал своего рода «репортажность» этой картины, она, с современной точки зрения, представляется глубоким

«Каждому дневи довлеет злоба его». 1989

Холст, акрил. 190 x 295

ем отдельных героев, каждый из которых является символом определенных социальных устремлений и амбиций. Став документом своего времени, эта картина Ю. Воронова по-прежнему сохраняет актуальность в новой России: сегодня мы можем наблюдать лишь особенности трансформации ее героев — кто-то из них стал «новым русским», а кто-то скатился на край бедности или совсем ушел из жизни...

В конце 1980-х — начале 1990-х годов художник создал еще целый ряд многофигурных картин конструктивно-коллажного стиля, наполненных глубоким социально-философским смыслом. Необычайно чуткий к явлениям жизни, Ю. Воронов запечатлел в них острейшую проблему распада общества, его впадение в деградацию и хаос. При этом художник часто обращался к православной символике. Она играет в его картинах роль глубинных основ русской культуры, высших начал нравственности, тех духовных столпов, опираясь на которые можно найти путь к истине. Но как художник он не мог быть простым и ортодоксальным апологетом одной конфессии: каждая из религий, по его мнению, несет в себе свою правду и свои нормы, сходящиеся в главном — в стремлении к человеческому совершенству. Высокие символы православной древнерусской культуры в его картинах нередко служат контрастом грубой прозе бытия. Особенно характерны в этом смысле картины Ю. Воронова *Лествица* и *«Каждому дневи довлеет злоба его»*. На одной из них на фоне храма и зияющего пустотой оклада знаменитой православной иконы, на паперти располагаются многочисленные в ту пору в России «бомжи» и нищие. Каждый из них был списан с натуры и каждый призывает к помощи. Как и следовало ожидать, картина вызвала неоднозначную реакцию среди зрителей. Один увидевший ее высокопоставленный чиновник сказал так, как говорили в советские времена блюстители чистоты «соцреализма»: «Нам не нужно такое искусство. Нам нужны оптимизм и радость на лицах людей...».

Но так считали далеко не все. Глубину больших живописных картин Ю. Воронова, их близость реальным проблемам российской жизни почувствовали не только вологжане, но и многие иностранцы, приезжавшие в старинный северный город, в самом облике которого сохранялись все резкие контрасты современности. Художник такого многогранного таланта, считали они, достоин большего. И здесь начинается новая страница творческой биографии Юрия Воронова.

полифоническим произведением, в котором слышны голоса недавнего, столь внушавшего надежды всем людям времени. Здесь мы видим и приемы новой выразительности, которые использовал художник: традиционная линейность и пространственная перспективность композиции заменены монтажом, по своей сути — драматургическим, с позиционировани-

И снова в путь

Зимняя Вологда. 1987
Бумага, карандаш. 40 x 60

Ангел. 1997
Холст, масло. 145 x 195

Путешествовать можно по-разному. Или, взяв авиабилет, перенестись в новые экзотические страны, или, перелистав страницы старой монографии о выдающихся художниках, погрузиться в мир того, что стало для тебя художественной Библией, что всегда вечно и современно. Оба вида путешествий любимы Юрием Вороновым, и он не видит между ними большой разницы, ведь, приезжая в очередную незнакомую страну, все равно обращаешь внимание прежде всего на ее вклад в веч-

ное. Родина знаменитых викингов и троллей Норвегия, и она же родина Э. Грига, Г. Ибсена, Т. Хейердала и непревзойденного, потрясшего весь мир своим *Криком* К. Мунка, — сразу привлекла внимание Ю. Воронова, когда он впервые побывал здесь. Но самым важным открытием для него стало удивительное спокойствие этой страны и ее, как говорится, уверенная самодостаточность. Новые друзья художника Х. Хенриксен, Т. Аархуз, Р. Нельсен, Т. Торсен, С. Хейбо, Х. Саннес и другие поразили его

Композиция с Владимирской Богоматерью
1995

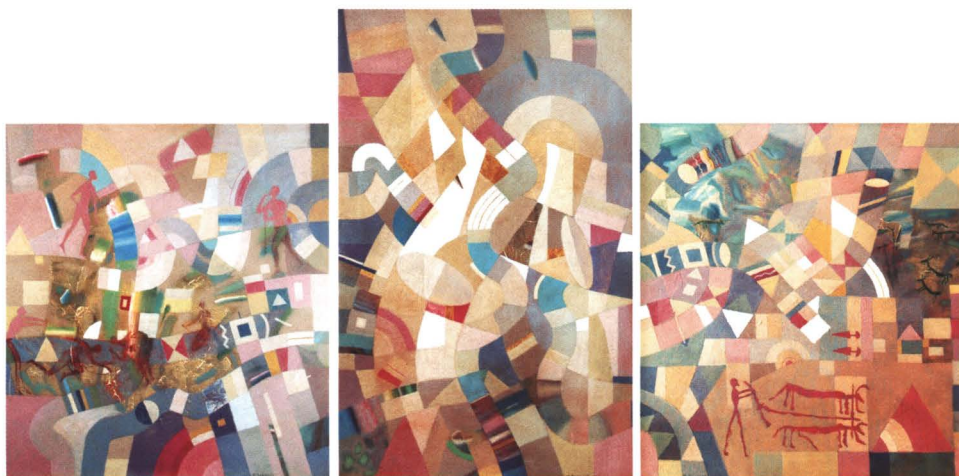
Холст, масло. 130 x 195

Ферапонтово. 2002

Бумага, карандаш. 55 x 60

удивительно чутким вниманием к искусству. Они сумели оценить соотнесенность художественного мира Ю. Воронова с цивилизационным фоном своей страны, — не только с миром снегов и лесов, но и с общим укладом жизни. Тут художнику не раз вспомнилась много раз повторенная русским академиком Д.С. Лихачевым мысль о родственных корнях России и Скандинавии. Эту общность мировой культуры Юрий сумел передать во многих своих картинах, написанных в Норвегии, — это и пейзажи знаменитых фиордов, и городские пейзажи скандинавской страны,

Абстрактный триптих. 2005

Холст, акрил. 87 x 80, 110 x 70, 87 x 80

и ее неожиданное, на российский взгляд, праздничное многоцветие. Свое художественное открытие Норвегии Юрий Воронов считает самым важным для своего творчества — здесь он впервые почувст-

вовал родственность всех мировых культур, в том числе и связь с викингами, сыгравшими огромную роль в ранней истории России. Для того чтобы глубже вникнуть в мир древнейшей истории, ему пришлось прочесть немало летописей и новых исторических книг, и он теперь понимает, со

свойственной ему скромностью, потребностью в толерантности, необходимости взаимного обогащения культур и ее художественных отражений. К сожалению, многие из работ норвежского цикла остались в частных коллекциях, и не все вологжане могут оценить их эстетическое своеобразие.

Если Норвегию Юрий открывал как своеобразную северную Грецию, как памятник самобытного северного искусства, то, путешествуя по Голландии, Франции, Германии, Италии, по греческим провинциям, он делал для себя открытия совершенно иного рода. Здесь он постарался проявить себя больше как живописец большой философской темы. Множество широкого полифонического склада и соответствующей

Молчание идущих во времени. 1995

Холст, акрил. 140 x 190

Забытая идея. 1995
Холст, масло. 140 x 198

ей техники вышло из-под его кисти. Особенно примечательна его картина *Окликание звезд*. Фигуры тех, кто устремлен к небу, кто смотрит на звезды, — это, по всем признакам, античные фигуры, но они так явно переключаются с современностью, что о фидиевском начале этих фигур сразу забываешь — это, несомненно, образы XX или XXI века, переживающие по-своему трагедию жизни, ее бесконечный путь. Звезды на ночном небе — пусть оно южное или северное — для Ю. Воронова представляют вечный идеал.

Несмотря на то что большинство картин его последнего времени имеет мало связей с живой реальностью, с публицистически воспринимаемой современностью, самой характерной из них является серия работ, посвященных памяти В. Кандинского — Воронов, по его мнению, имел свой особо нравственный долг

перед великим абстракционистом, начавшим свой новый, революционный для искусства путь на вологодской земле и открывшим неслыханную простоту древнерусского искусства в ее типах и линиях. Но это был скорее эксперимент — Юрий Воронов не мог порвать связей с действительностью, с самым дорогим для него.

Вологда остается не просто его родиной, но и главным источником вдохновения. Особенно дорога ему картина *Вологодские художники*, написанная в 2003 году. Она экспонировалась и на областной, и на всероссийской выставках, и везде произвела глубокое впечатление. Скорбь — главное чувство, что лежит на лицах ее героев. Они, может быть, благополучны в жизни, но чисто русская тоска по лучшей доле, по идеалам, одолевает их. Особенно драматичен портрет народного художника России, 80-летнего Владимира Корбакова. Глубокая неудовлетворенность действи-

тельностью, ее высшими идеалами, всегда дорогими для интеллектуала-гуманиста, лежит на его челе. Быстрая изменчивость русской жизни вводит мастеров искусства во множество тревог и соблазнов, и эти противоречия автор запечатлел на лицах своих героев.

Но самыми дорогими Ю. Воронову являются портреты его самых близких людей. Все эти люди так или иначе связаны с искусством. Это и жена Нина — самобытнейший художник-модельер, и сын Александр — ярко заявивший о себе как архитектор-дизайнер, и дочь Гиляна, своими многоцветными текстильными композициями прославившаяся уже в Москве. Как дальше сложится судьба семьи Вороновых, сказать трудно, но в их судьбе заложено здоровое земное нравственное и творческое начало, а это — самое главное.

Гимн Северной Двине

Всемидесятые и в первой половине восьмидесятых годов минувшего столетия Вологда словно магнитом привлекала к себе творческие умы и сердца. Притягательной и заманчивой делали ее яркие звезды отечественной словесности: в поэзии Александр Яшин и Николай Рубцов, в прозе Василий Белов, окруженные плеядой самобытных первостепенных дарований, таких как Александр Романов, Виктор Коротаев, Ольга Фокина. Я тоже был не чужд очарования Вологдой и наезжал в нее при каждом удобном

случае сперва из Архангельска, затем из Петрозаводска, а в восьмидесятых из Москвы.

Однажды на очередном литературном мероприятии в писательском доме умница и книголюб Василий Оботуров обратил мое внимание на удивительную пару. Точнее — красивую пару. Он — темноволосый, с короткой стрижкой, в отутюженном костюме. Она — в черном поблескивающем платье, задерживающая взгляды изящной полувосточной красотой.

— А это новый вологодский талант, — сказал Оботуров, наклоня ко мне сухощавое, как бы обтянутое кожей лицо. — Это Юрий Воронов.

И его жена Нина. Только он не литератор, а художник, график. Оформляет книги и рисует портреты наших знаменитостей.

Так мы встретились с Юрием Вороновым. Но ближе познакомились позднее, в селе Блудново на востоке Вологодской области, родине Александра Яшина, на празднованиях в его честь и память. Юра стоял на солнцепеке у деревенского колодца, журавля, и буквально таранился на него. Это показалось мне забавным. Я не предполагал, конечно, что это был ключевой, поворотный момент в его художественном интересе к истории и быту северной деревни.

Вечером, на традиционном застолье, мы уже сидели рядом. А третьим из веселого шума и гама возник и подсел за наш столик художник из Великого Устюга Евгений Шатохин. Он-то и предложил нам после второй рюмки сплавиться на его парусно-моторном боте из Великого Устюга в Архангельск по Северной Двине. Мы вежливо улыбнулись, но после третьей рюмки поймали себя на том, что с жаром обсуждаем неожиданное предложение. И к концу застолья торжественно поклялись друг другу, что осуществим задуманное.

Удивительно, но мы действительно собрались в Великом Устюге через двадцать дней, в июле.

Встретившись, сразу же заспешили на причал. Шатохину не терпелось показать свое творение. И это действительно было творение — мечта, созданная золотыми

Вечер в Белозерске. 1995
Холст, масло. 95 x 100

Девочка с веером (Аня Белова). 1987
Литография. 65 x 60

Девочка с прялкой. 1987
Литография. 65 x 60

Мальчик с лошадью. 1987
Литография. 65 x 60

Детство. 1998
Холст, масло. 140 x 190

Вологодские художники. 2003
Холст, масло. 140 x 195

мастеровитыми руками художника из большого корабельного яла. Бот поприветствовал нас покачиваниями высокой упругой мачты. Он сверкал свежей краской и надраенными медяшками. В нем было все: машинное отделение, штурвальная рубочка, крохотные камбуз и гальюн, чистенькая каюта с полками-рундуками для ночлега.

Не откладывая дело в долгий ящик, мы скинулись в общественную кассу, объявили «сухой закон», сходили в магазин за необходимыми продуктами и вечером, в теплой темноте, нетерпеливо отдали швартовы.

Устюг провожал нас вскриками сирен с различных посудин знакомцев Шатохина, ударами прожекто-

ров по волнам и двумя-тремя вспышками сигнальных ракет.

Миновав слияние рек Сухонь и Юг, мы вышли в Большую Северную Двину и встретили утро

Утренний этюд. 1994
Холст, акрил. 85 x 85

у песчаной отмели низкого, поросшего ивняком и осокой острова. Распалили костер, подвесили над жаром котелок с варевом и чайник и решили совершить пробежку по желтому песчаному берегу. Не тут-то было!

Чуть приблизились к кустам — из мелких зарослей поднялась туча крачек. С оглашенными воплями они принялись штурмовать нас. До сих пор помню злые розовые глазки и растопыренные лапки с острыми коготками перед самым лицом. Конечно, они защищали гнезда и птенцов. Мы благоразумно вернулись к биваку и ограничились купанием в реке. Впрочем, вода была теплая, упругая, чистая.

После завтрака Шатохин решил щегольнуть и объявить:

— Дальше пойдем под парусом. Горючку экономить надо.

Под парусом — так под парусом: красиво будет. Но парус не распускался: какую-то снасть заело под клотиком.

— Полезай на мачту, Юра, разберись с узлом, — скомандовал Шатохин.

— Да ты чего? — округлое и доброе лицо Юрия чуть побледнело. — Я же трус. Я высоты боюсь.

— А это твоя обязанность, ты же в экипаже вроде юнги, — не без ехидцы улыбнулся капитан и судовладелец. — Приступай, осваивай новую профессию.

— Ладно, — согласно кивнул Юрий. И без дальнейших прений полез. И разобравшись с узлом. И спустился вниз, еще более побледневший.

Я не случайно рассказал об этом маленьком эпизоде. Потому что с этого момента началось мое уважение и все более углубляющееся постижение натуры моего будущего друга. Натуры глубокой, одаренной, верной, очень обязательной и ненавязчивой.

Вскоре произошло событие, точнее рабочий момент, подтвердившее мои первоначальные ощущения.

Как-то мы увидели на правом крутом берегу село. Старинные многооконные северные дома располагались высоко над рекой, просторно и как-то величественно. Справа от села на бугре стояла высоченная триангуляционная вышка.

— Пристаем, — решил Шатохин. — Надо нарисовать эти дома.

А Воронов смотрел на вышку.

— Какая с нее панорама должна раскрываться, — задумчиво пробормотал он.

Они собрали свои художнические причиндалы и сошли на берег. Евгений выбрал место недалеко от бота. Поставил мольберт, развернул парусиновый складной стульчик... Обнаженный до плавков, загорелый, с рельефной мускулатурой, он быстро привлек внимание местных девушек и отроков. Они стайкой окружили его и благоговейно следили за возникавшим на их глазах чудом.

А Шатохин творил — внешне невозмутимо, но с достоинством.

Канал у Белого озера. 1994
Холст, акрил. 85 x 90

Воронов же полез на бугор, а затем на триангуляционную вышку. Вышка была с семизэтажный дом,

Туман. 1994
Холст, акрил. 85 x 90

Южная Анатолия. 1999
Холст, масло. 55 x 65

Греческая керамика. 1999
Холст, акрил. 130 x 185

сооруженная в неведомые времена из связей то ли елей, то ли корабельных сосен. Не сумел я определить породу за древностью стволов. Ступени, ведущие на верхотуру, были

ветхими, частью выпавшими из пазов. Они скрипели и потрескивали. Да и все сооружение под порывом ветра пошатывалось и тревожно гудело.

Но от вида, открывшегося с верхней площадки, действительно захватывало дух. Представьте себе: могучая широченная река, а за нею, на низком левом берегу, многокилометровая перспектива — леса, луга, деревеньки на них и меж ними, теремки деревянных церквей, отсюда кажущихся живыми.

Юрий глянул — и словно оглох... Смотрел, смотрел. Потом развернул просторный лист бумаги, взял карандаш и...

Я постоял-постоял и осторожно сполз вниз. Вернулся на суденышко, помыл посуду, начистил картошки, прибрался. То есть выполнил свои обязанности кухонного мужика. Кулинар из меня никакой, из нас троих лучше всех готовил Шатохин. Потом расположился на баке под солнышком и позанимался

привычным делом: подгонкой рифмованных строчек друг к другу. Время шло. Через четыре с лишним часа вернулся Евгений и показал свою работу. Она мне понравилась, и я искренне поздравил его с удачей.

Через час я не поленился подняться на бугор и потребовал Юрия к обеду. «Сейчас, сейчас!» — откликнулся он. И — снова потянулось время.

Вернулся он под вечер, с красными от ветра и солнца глазами. Мы, понятное дело, начали высказывать все, что о нем думаем. Но он развернул лист — и мы замолчали.

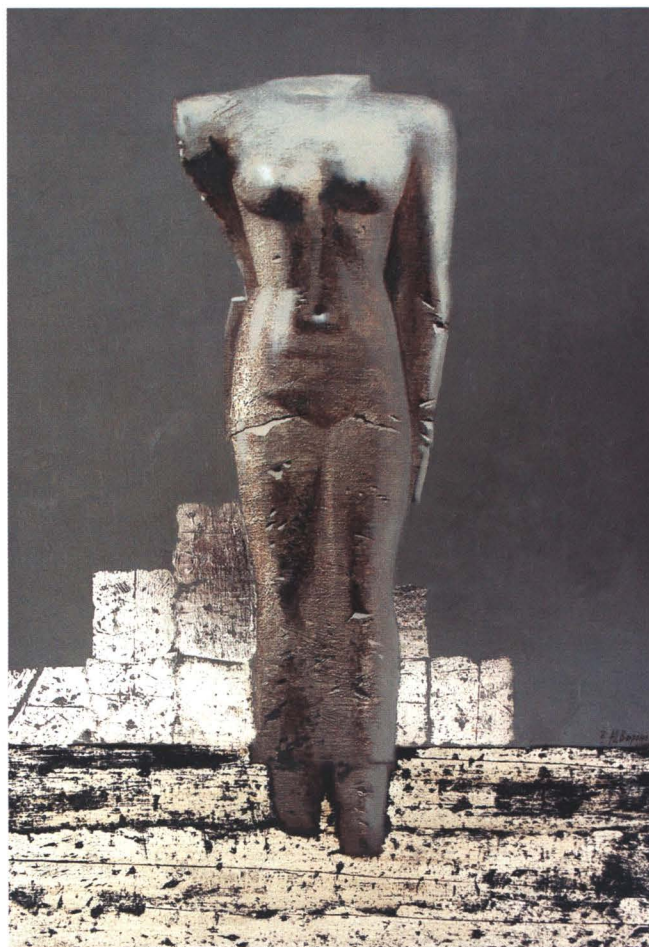
Никогда до того дня не думал, что простым карандашом можно создать подобное лироэпическое полотно. Карандашом! Нарисовать всю ту объемную перспективу, которую глазом было не охватить. Во всех подробностях и деталях,

Дворец царя Зимрилима. 2006
Холст, масло. 98 x 82

Ника. 1999
Холст, масло. 85 x 100

Идущая к нам. 2004
Холст, масло. 110 x 80

Зимняя элегия
1998
Холст, масло. 140 x 195

Рисунок крестьянина. 1997

Бумага, карандаш. 75 x 50

пронизанную светом жизни и духом бытия. Я был потрясен и до сих пор не могу забыть того потрясения.

А Юра застенчиво сказал:

– Вот, набросочек сделал.

Вот так мы и сплавлялись вниз по Двине двадцать суток. И смешное случалось, и грустное. Однажды наткнулись на утопшего, и Шатохин помогал его вытащить на берег. Вернулся на бот весь зеленый от увиденного и пережитого.

В другой раз едва не погиб Воронцов. Перед самым закатом встретили теплоход, буксировавший плоты сосновых стволов. Речники оказались добрыми знакомыми нашего капитана, а у нас заканчивалась солярка, и мы запросились в гости. Пришвартовались. Приняли нас хорошо, солярки дали, накормили свежей ухой (а мы, признаться, на рыбной реке рыбы не видели, ибо все трое оказались нерыболовами).

Расставались уже полной ночью. Отдали швартовы.

Юрий подхватил последний крапец (автомобильную шину) и хотел перекинуть на теплоход. И вслед за крапцем полетел с борта нашего суденышка в воду сам. Вот так. Средине могучей реки. Теплоход. Плоты где-то неподалеку. Темнотища, Юрки не видно. Я заорал:

– Плыви сюда. Сюда!

И вдруг неподалеку забелело лицо. Он плыл саженками, отчаянно молотя по воде ладонями. Я перегнулся через борт, ухватил за руку, и мы с Шатохиным выдернули его на палубу.

Потом Юра рассказывал:

– Перепугался. Потерял ориентировку. Хорошо, что ты закричал.

Мы тоже перепугались. И благодарили Бога, что все закончилось так, как закончилось.

Дома. Деревя. Плесы. Отвесные откосы. Неожиданные утесы на правом берегу. Большая река. Большая река. Большая ежедневная работа.

Зимний пейзаж. 1998

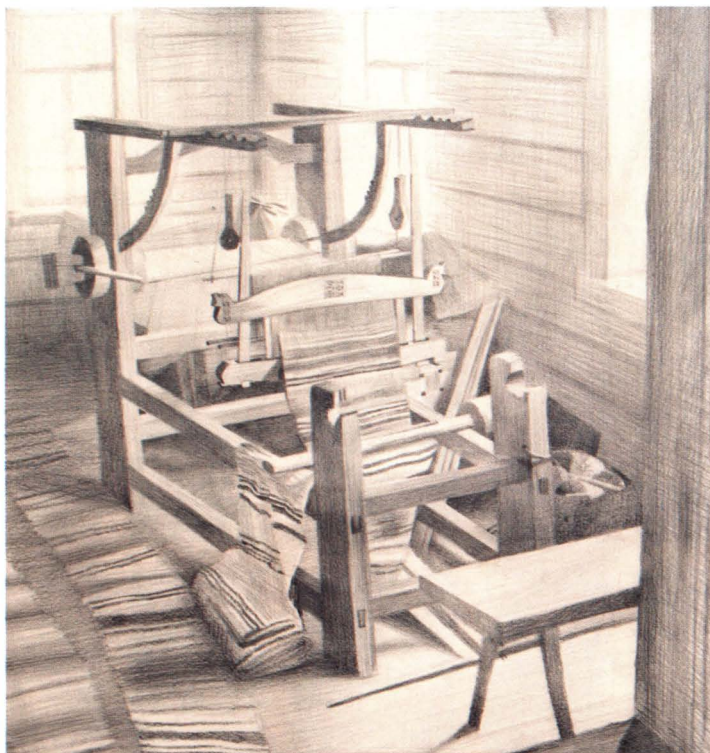
Холст, акрил. 85 x 80

Художники зарисовывали похилившиеся часовенки, овины, амбары. И, как подарок нам, неожиданно теплое светносное лето. Я тоже

Натюрморт с самоваром. 2001

Холст, масло. 90 x 100

Ткацкий станок. 1986
Бумага, карандаш. 75 x 70

*Огромные солнца из чащ восходили,
гремящими смерчами тучи крутили
и ливнями молний летели сквозь ветви,
сквозь бурые пропасти вздыбленной пыли,
сквозь павшие в брызги реки километры —
туда, где мы жизнь огнедышаще пили,
туда, где над бездной под бездною плыли
и знать не желали про сказки о смерти.*

*Отважные парни, шальные ребята,
умельцы по стали, моторам, солярке,
когда вам пригрезились ваши фрегаты,
в каком водоеме заросшего парка?
Откуда возникла в вас эта забота:
фанера, ножовка, аргонная сварка,
движок с разнесенного вдрызг мотобота,
ночная, воскресная, злая работа?
Зато (для неведавших вроде подарка)
суденышко: парус, бушприт полуаркой
и целых три метра от борта до борта!*

*Лети же, наш бот, от движенья смелея,
туда, где соборы звенят друг за другом,
туда, где из звездных ковшей Водолея
сливаются в целое Сухона с Югом.
Ты чувствуешь, как жарко целуются реки?
Как тесно им в ложе два тела ворочать?
Как трудятся днем, как беснуются ночью —
едино сейчас и отныне вовеки
рождая Двину, величавую дочерь.*

*Поклон тебе, воды ведущая в море!
Прими нас на грудь, как в досюльные боли
снесла на груди новгородцев в Поморье
в извечном их поиске поля и воли.
Открой нам знобящие сиверки в лица.
Раскинь свои плесы в песчаных уборах.
Даруй дождепадов звенящие спицы
и зной медоставов твоих, медосборов.*

*А там, где огромные солнца июля
по дугам закатов янтарно-зеленых
нисходят за землю в малиновом гуле,
пройдя на прощанье огнем твое лоно, —
открой нам врата во вселенную сына,
в края, где сливаются зори в лазори,
где белые ночи танцуют на льдинах...
Открой нам, великая, Белое море!*

*А мы грозопадом веселого Юга,
стрекозами Сухоны, Вычегды кровью*

Тарногский стог. 1986
Бумага, карандаш. 65 x 70

работал. Именно на борту бота сочинил монопоэму *Громобой* и цикл стихотворений. Пожалуй, одно из них можно привести здесь. Не потому, что оно так уж хорошо. Оно, как я понимаю теперь, несколько велеречиво. Но зато неплохо передает атмосферу душевного подъема, в которой мы жили и трудились.

Гимн Большой Северной Двине

*Горячие вихри по Югу катили.
Над Сухоней реяли желтые ветры.*

Дерево. 1987
Бумага, карандаш. 65 x 60

На Северной Двине. 1983
Бумага, карандаш. 60 x 70

Северная деревня. 1987
Литография. 60 x 50

Натюрморт. Шинуазри. 1993
Холст, масло. 80 x 100

*клянемся тебе и клянемся
друг другу
идти по тебе с добротой
и любовью.*

Все завершается в предопределенный срок. Едва мы прошли под архангельским железнодорожным мостом, как попали в колонну белокрылых яхт и белопенных водомоторных катеров. В Архангельске праздновался День города, юбилейный. И мы приняли участие в торжественном параде морских и речных посудин разного калибра и предназначения.

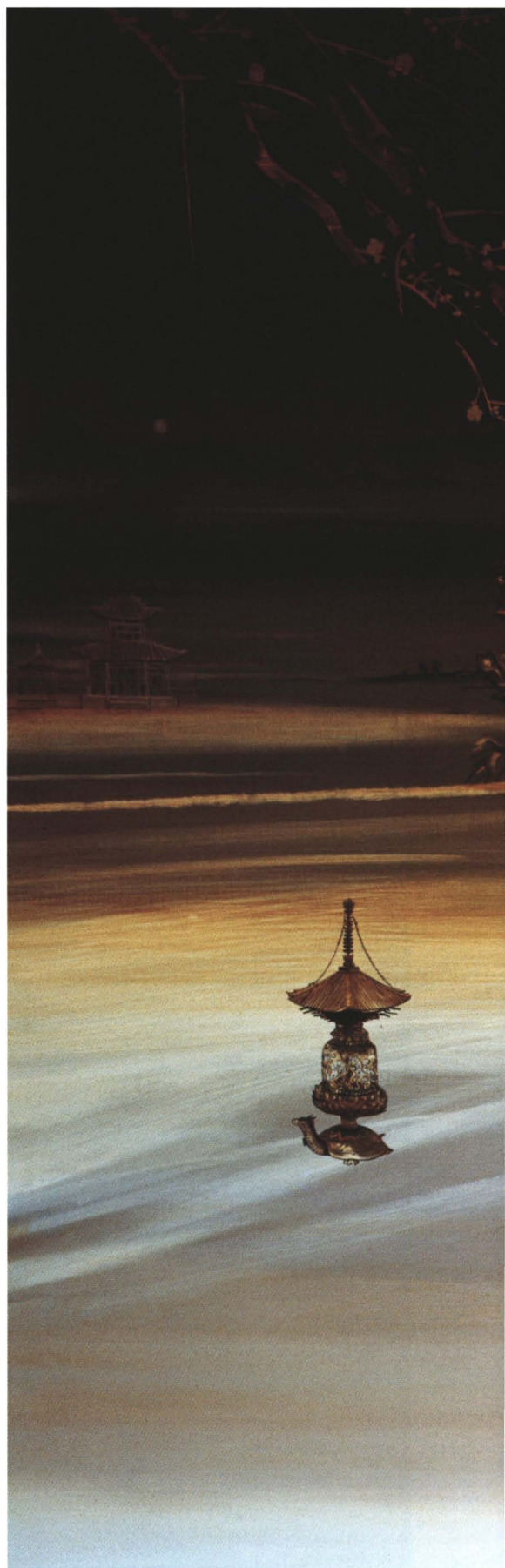
Когда же подошли к причалу, то наш экипаж распался в одночасье. Меня сразу же перехватил мой архангелогородский друг, писатель и яхтсмен Михаил Попов и повез на остров Дунькин Пуп посреди Двины. Там я, среди прочих мероприятий, принял участие в историческом футбольном матче между яхтсменами и водомоторниками. И даже, высту-

пая за последних, забил яхтсменам (то есть Михаилу Попову) два гола.

Юра Воронов, не медля ни минуты, помчался на такси в аэропорт и улетел в Вологду. Потому что Нина была готова родить ему сына Александра, что и совершила вскоре после его возвращения из путешествия.

У Шатохина же приключения продолжились. После естественного празднования он умудрился включить какой-то насос не в ту сторону, кораблик нахлебался воды и затонул прямо у причала. Жене пришлось помучиться и похлопотать, чтобы вернуть своего любимца со дна речного на свет божий, но он это сделал и вернулся в Устюг.

Наша дружба с Юрием Вороновым продолжилась и окрепла. Дружба спокойная, без экзальтаций. Я бывал и бываю у него в мастерских и на выставках. Он нарисовал мой портрет и оформил три книги стихотворений. И портрет, и оформление просто отличные. Года полтора назад он в мастерской близ Лубянки рисовал портрет Блока для обложки альманаха *Академия поэзии*, который

Отстранившийся. 1999
Холст, акрил. 140 x 180

Натюрморт крестьянский. 1998
Холст, масло. 80 x 95

я составляю и редактирую. Пока он работал, я смотрел на замечательный *Портрет Нины* и неожиданно для себя начал писать и написал вот такое стихотворение.

Калмычке в желтом

Навеяно картиной *Портрет Нины*
моего друга Юрия Воронова

*Желтая калмычка! Когда в июле
ты смотришь в июньские глаза Гумилева,
ты еще не видишь августовские пули –
пронзающие и созидające Слово.*

*Хмурый Блок печален: до августа длинно.
Длинный путь в Финляндию большевиками
отказан.*

Зимние хлопоты. 1994
Холст, масло. 130 x 180

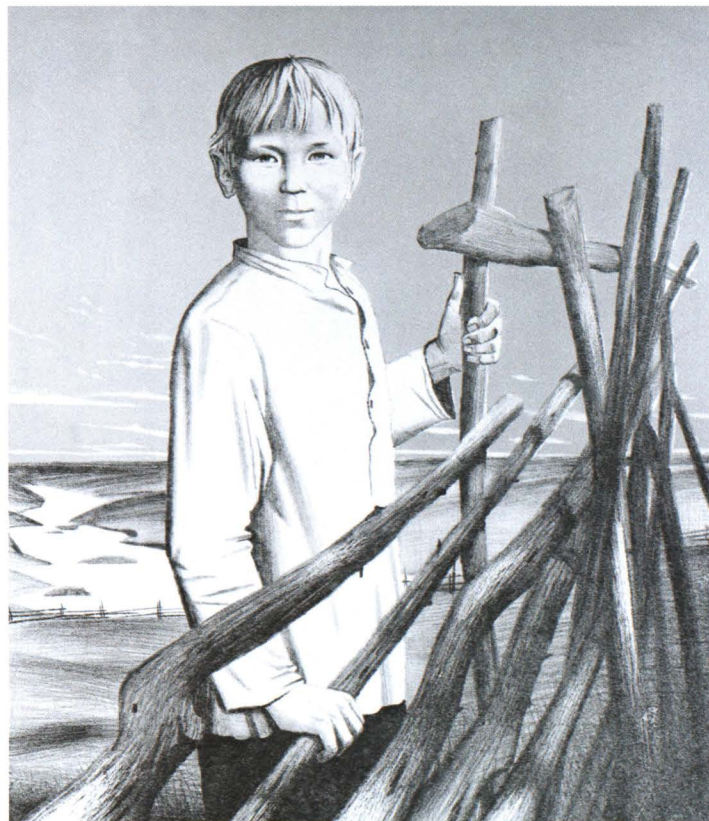

Северный натюрморт
1994
Холст, масло. 95 x 80

Натюрморт. 1996
Холст, масло. 80 x 90

Вверху справа:
Светлый отрок. 1987
Литография. 65 x 60

Вверху слева:
Натюрморт с деревянной птицей. 2000
Холст, масло. 100 x 110

*боги безбожников вокруг не присели
и дьяволам Лубянки запретили охнуть.*

*Ну-ка, озаритесь – Заболоцкий и Марков,
Павел Васильев и Николай Тихонов!
Тихо в России. Тихо и жарко.
Господи, до чего же в России тихо...*

22.07.2005 год
Мастерская на Лубянке

Юрию это стихотворение не очень нравится, а мне оно кажется своеобразным.

На этом можно поставить точку. Пока.

*Ничего, он напишет про скифов былину –
длинную, как чумная зараза.*

*Где, по кому исстрадалась Анна?
С кем сочетались страсти Любви?
Странно Бунину – злобно и странно.
Пешков хмурит аршинные брови.*

*За стеною каменной, в Лубянских подвалах,
днем стреляют. И ночью стреляют тоже.
А в Володе Маяковском любовь подвывала –
желтая, сиротливая, еврейская до дрожи.*

*Желтая калмычка! Когда Есенин
вошел к танцовщице, чтобы не сдохнуть –*

Сани. 1987
Литография. 50 x 60

Бабушка устала. 1993
Холст, темпера. 85 x 90

Осень на родине поэта А. Романова. 1995
Холст, акрил. 135 x 190

Содержание

4	Домосед и странствователь
10	«О, счастливчик!»
19	Возвращение к истокам
28	И снова в путь
32	Гимн Северной Двине

Указатель произведений Ю. Воронова

- Абстрактный триптих. 2005 – 30
Ангел белой ночи. 1997 – 7
Ангел. 1997 – 28
Б. Штоколов. Оперный певец. 1988 – 20
Бабушка устала. 1993 – 47
Битва во времени. Диптих. 1993 – 8–9
Благовещение. 1994 – 6
Бухта Фазелис. 2000 – 25
В ожидании счастья. 1994 – 14
Вечер в Белозерске. 1995 – 32
Вологодские художники. 2003 – 34
Вологодский натюрморт. 1997 – 10
Воспоминание о Ванкувере. 1996 – 24
«Говорит Вологда. Доброе утро, товарищи». 1987 – 5
Греческая керамика. 1999 – 36
Д.С. Лихачев. 1981 – 15
Дворец царя Зимрилима. 2006 – 37
Девочка с веером (Аня Белова). 1987 – 33
Девочка с прялкой. 1987 – 33
Дерево. 1987 – 41
Детство. 1998 – 33
Забывшая идея. 1995 – 31
Зимние хлопоты. 1994 – 44
Зимний пейзаж. 1998 – 39
Зимняя Вологда. 1987 – 28
Зимняя элегия. 1998 – 38–39
Идущая к нам. 2004 – 37
Иллюстрация к сборнику стихов А. Ахматовой.
1991 – 18
«Каждому дневи довлеет злоба его». 1989 – 26–27
Каждый день праздник. 1992 – 11
Канал у Белого озера. 1994 – 35
Кирилло-Белозерский монастырь. 2000 – 5
Композиция с Владимирской Богородицей.
1995 – 29
Крестьянский натюрморт. 1993 – 41
Легенда о счастье. Триптих. 1992 – 12–13
Лестница. 1989 – 14
Мальчик с лошадыо. 1987 – 33
Молчание идущих во времени. 1995 – 30
На Северной Двине. 1983 – 41
Натюрморт крестьянский. 1998 – 44
Натюрморт с деревянной птицей. 2000 – 46
Натюрморт с самоваром. 2001 – 39
Натюрморт. 1996 – 46
Натюрморт. Шинуазри. 1993 – 42
Ника. 1999 – 37
Никола зимний. 1990 – 23
Нина. 1986 – 18
Нина. 1989 – 16
Осень на родине поэта А. Романова. 1995 – 47
Отдыхающий во времени. 1995 – 15
Отстранившийся. 1999 – 42–43
Писатель В.А. Оботуров. 1988 – 21
Полет над вечностью. 2000 – 25
Портрет дочери. 1995 – 17
Портрет жены. 1987 – 19
Рисунок крестьянина. 1997 – 39
Самолеты на воде. 1996 – 20
Сани. 1987 – 47
Светлый отрок. 1987 – 46
Северная деревня. 1987 – 41
Северный натюрморт. 1994 – 45
Сны лоскутного одеяла. 1995 – 22
Тарногский стог. 1986 – 40
Ткацкий станок. 1986 – 40
Туман. 1994 – 35
Утренний этюд. 1994 – 34
Утро на древнем озере. 2001 – 7
Ферапонтово. 2002 – 29
Философ А.Ф. Лосев. 1981 – 20
Этюд. Северная Италия. 1995 – 18
Южная Анатолия. 1999 – 36
Юрий Воронов. На этюдах. Норвегия. 2004.
Фотография – 4

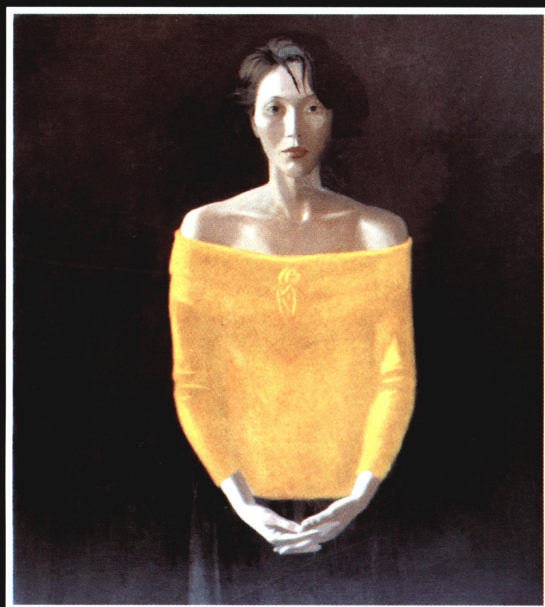
Юрий Воронов

БЕЛЫЙ ГОРОД

МОСКВА, 2007

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Мастера живописи

- Абакумов
- Айвазовский
- Айец
- Алексеев Ф.
- Альма-Тадема
- Арсенюк
- Батони
- Белюкин А.
- Белюкин Д.
- Бёклин
- Богаевский
- Богданов-Бельский
- Больдини
- Борисов-Мусатов
- Боровиковский
- Босх
- Боттичелли
- Бритов
- Бродский
- Брюллов
- Буше
- Ван Гог
- Ван Дейк
- Васильев Ф.
- Васнецов А.
- Васнецов В.
- Ватто
- Веласкес
- Венецианов
- Верещагин В.
- Виноградов
- Воронов
- Врубель
- Гавриляченко
- Гагарин
- Ге
- Глазунов
- Гоген
- Гойя
- Головин
- Горский
- Грабарь
- Грицай А.
- Давид
- Дали
- Данилевский
- Дега
- Делакрыа
- Дмитриевский
- Добужинский
- Доре
- Жилинский
- Жуковский С.
- Зарянко
- Зверьков
- Иванов А.
- Иванов В.
- Караваджо
- Кауфман
- Кипренский
- Клевер
- Климт
- Корин А.
- Корзухин
- Корнеев
- Коро
- Коровин
- Крамской
- Крыжицкий
- Крым
- Кузнецов Б.
- Кузнецов П.
- Куинджи
- Куликов И.
- Курбе
- Кустодиев
- Левитан
- Левицкий
- Леонардо да Винчи
- Лимбург
- Лоррен
- Маковский В.
- Максимов
- Маланенков
- Малеев
- Мане
- Машков И.Г.
- Менгс
- Микеланджело
- Мирошник
- Модильяни
- Моне
- Моризо
- Мурильо
- Неврев
- Неменский
- Нестеров
- Никонов В.
- Новиков
- Ольшанский
- Орловский
- Осипова, Федоров В.
- Оссовский
- Павлова, Самсонов В.
- Перов
- Пикассо
- Пирсmani
- Писсарро
- Пластов
- Поленов
- Полотнов
- Похитонов
- Присекин Н.
- Путнин
- Рафаэль
- Рембрандт
- Ремнёв
- Ренуар
- Репин
- Рерих
- Ромадин М.
- Ромадин Н.
- Ромашко
- Рубенс
- Рылов
- Рябушкин
- Саврасов
- Салахов
- Самокиш
- Самсонов А.
- Сапунов
- Сверчков
- Сегантини
- Сезанн
- Секрет
- Семирадский
- Серебрякова
- Серов
- Сибирский В.
- Сислей
- Соломаткин
- Соломин Н.
- Сорокин
- Сотсков
- Степанов
- Стожаров
- Страхов
- Стронский
- Суриков
- Тимм
- Тициан
- Ткачевы
- Толстой Ф.
- Тропинин
- Тулуз-Лотрек
- Уотерхауз
- Утамаро
- Федоров А.
- Федотов
- Филонов
- Фрагонар
- Фридрих
- Хасьянова
- Хиросигэ
- Хокусай
- Чернецовы
- Чернышева
- Чёрный
- Шагал
- Шаньков
- Шассерио
- Шишкин
- Шпицвег
- Штейн
- Штук
- Штыхно
- Щедрин
- Сильвестр
- Эль Греко
- Энгр
- Юон

